

ВЕНИАМИН

Кофейная жижа поблескивает, как мазут, в белой кружке. Официантка чуть слышно хмыкает, разворачивается, уходит. Чем-то недовольна. Что-то нужно было сделать из перечня бытового этикета, учитывая ее возраст, внешность и фальшивую услужливость. Забыл что, не умею. Последний раз я улыбался, кажется, весной, когда в нашей коммуналке забился общий «толчок», расцвела сирень, а полоумная соседка (в прошлом учительница) читала сантехнику «Незнакомку».

Теперь уж давно не весна и не лето — конец октября. Стали как-то постариковски мерзнуть ноги, липнуть пальцы от чрезмерного употребления сладкого кофе, которым я обычно согреваюсь здесь, в этом кафе, и наблюдаю за посетителями.

Себе я малоинтересен. (Кстати, я худошавый блондин с пшеничной бородкой, одетый в длинное поношенное пальто.) Но меня увлекает врожденная потребность — наблюдать за людьми, бегущими, прорывающими паутину повседневности, грезящими о чем-то своем, личном, хватающими медовые пряники на лету, с воздуха, или застревающими в этой паутине с широко открытыми глазами, с гримасой страха, как бы недоумевая.

Я смотрю на посетителей, как на гениальные полотна в какой-нибудь Третьяковской галерее, — долго и вдумчиво. Все они — «маленькие люди», но каждый из них заслуживает стороннего любопытствующего взгляда, хотя бы потому, что появился на этот свет, и поморщился, родившись, от этого света, и задумался, увидев то, что предстало под этим светом, и ослепнет от жизни, сомкнув очи, и не увидит больше этого света... Мне нравится наблюдать за непринужденностью человеческого существа, инстинктивно ищущего мизансцены, предложенные ему незанятым пространством, вопреки тому главному, что должно его, как минимум, беспокоить,

а в сущности — терзать и мучить: кто я, какого черта я здесь делаю, и что вообще такое здесь со мной происходит? Но человеку свойственно уклоняться от опасных вопросов, тем более что перед его глазами всегда раскрыт спасительный «сценарий жизни», написанный задолго до его рождения какими-то умными чуваками.

Возможно, я тоже с интересом бы изучил этот сценарий, и стал, как говорится, жить-поживать и добра наживать, если бы не встреча с одним убогим человечком по имени Вениамин.

Впервые я увидел его здесь, в этом кафе. Он уверенно сидел за столиком, как завсегдатай, и перебирал мелочь, собранную за весь день. Своим занятием он чем-то напоминал женщину, которая с серьезным лицом выбирает из риса мелкие камушки и суеверно откладывает их в сорную кучку. Его действительно можно было принять за женщину, если бы не белый пушок на щеках и не грязно-коричневые широченные брюки, «гармошкой», сползающие к убитым рабочим ботинкам.

Вот краткая история, найденная мной в архивах психоневрологического диспансера города N, описывающая центральное событие из жизни Вениамина.

Вене было пять лет. Он сидел под столом и грыз сырой картофель. Его родители по обыкновению были пьяны. Завязалась ссора. В момент, когда бутылка с водкой, стоявшая на столе, покачнулась и устремилась на его голову, Веня держал в ней две мысли. Первая адресовалась отцу, чтобы доставить ему радость и побудить к примирению: «Здорово живешь!» — любимая присказка отца, когда тот пьяный возвращался домой. Вторая мысль относилась к матери, которая стояла на пороге, собираясь уйти навсегда, в ночь: «Мама, куда ты?» Когда же недопитая бутылка опрокинулась на голову мальчика, мысли смешались в одну. Мальчик сильно поглупел после травмы и всю жизнь, встретив человека, задавал один единственный вопрос: «Куда ты живешь?» Больше ничего не говорил, щурился на солнце, звенел мелочью и ждал человека, чтобы сказать ему то единственное, что он вообще был способен сказать, ибо после того случая его сковала немота, а разумом овладело созерцанье.

Записано со слов бабушки больного.

Лечащий врач Ф.Ф. Графоманов.

Я сидел на своем обычном месте, в углу помещения, поскольку отсюда удобнее всего наблюдать, и размешивал серебряной ложечкой кофе. Ложечку я всегда ношу с собой, надеясь встретить человека с хорошим вкусом, который бы заметил и восхитился чудным блистанием серебра на фоне задумчивого нищоброта в черном пальто. Но, судя по пойманным взглядам, такого человека рядом не было, кроме одного. Он с детским любопытством наблюдал за круговращением серебра в черной жиже и, казалось, ему ничего не нужно было — только бы смотреть. Этим человеком был Вениамин.

На тот момент он уже успел подсчитать мелочь и купить себе борщ, бледную котлетку с гарниром и кофе. Но Веня не касался еды, а все смотрел на мою ложечку, моргая пустыми васильковыми глазами без ресниц. Наблюдая за ним, молоденькие официантки за стойкой сдерживали смех ладонями, показывали на Веню пальцем, но никогда не обижали убогого. Видно, в детстве они узнали о людях, обделенных природой, и боялись Бога.

— Нравится? — с кривой улыбкой спросил я его, как ребенка.

— М-м-м, — промычал Веня и тоже улыбнулся.

«Идиот», — подумал я про себя, запив неловкость двумя глотками сладкого кофе.

Нахлынула волна шумных посетителей из студентов, в лицо пахнуло осенней свежестью с примесью дальних костров и дешевой девичьей парфюмерии. Официантки вмиг разбежались, дав мне возможность без лишних глаз обдумать случившийся конфуз. Я всегда обдумываю случившееся, даже всякую мелочь: если меня кто-нибудь ошибочно окликнет в толпе, или, скажем, если вместо пяти пальцев у человека вдруг окажется три. А где другие два? Или — почему именно меня сочли за кого-то своего, а не кого-нибудь другого?..

Пока я разглядывал студентов, разматывающих яркие шарфы, Веня поднялся, сделал несколько шагов и очутился напротив меня. Он пристально посмотрел на серебряную ложечку, затем поднял глаза и сказал: «Куда ты живешь?»

Я не ожидал, что «блаженный» поставит вопрос именно так. Я вообще не думал, что он будет говорить со мной. Обычно такие люди пугливы и замкнуты внутри своей обреченности. Но вопрос был задан. Мне оставалось либо уйти, либо совершить очередную глупость, открыв свои мысли незнакомцу. Я постарался быть честным и добрым.

— Не знаю, — ответил я ему.

Никто из окружающих не отвлекал нас от странной беседы. Фоном играло радио из потолка. Пахло кухней, остатками осеннего дыма и кофе.

— Наверно, как и всякий, я живу к смерти, — продолжил я, — но не осознаю этого, потому что, как и всякий, боюсь смерти...

— Куда ты живешь? — словно бы не слыша моих слов, голосом автомата-лохотрона для лова зверушек, повторил Веня. Его не удовлетворил мой первый ответ. На моем безоблачном челе образовалась тревожная морщина.

— Хорошо. Скажу иначе. Если, конечно, я правильно понял твой вопрос. Как человек, верующий в Бога, я надеюсь обрести покой на небесах. И если исходить из твоей весьма странной постановки вопроса — «куда», то живу я, по всей вероятности, в царство небесное... Хотелось бы надеяться.

Веня поморгал глазками, улыбнулся блеску серебряной ложечки, облизнул губы и по-младенчески пролепетал:

— Куда ты живешь?

Я не стал сердиться на больного человека. Отпил из кружки. Жутко хотелось курить. Я убедил себя, что этот человек довольно интересен с точки зрения наблюдения, и поэтому нет повода для раздражения. «Наблюдай, клади в копилку нелепости и причуды, которые ты так любишь», — успокаивал я себя.

Еще я подумал, что его, должно быть, не раз били за этот вопрос. И действительно, посмотрев внимательно, обнаружил на лице Вениамина едва заметную синеву под глазами и характерную горбинку сломанного носа.

— Да, в сущности — в никуда, — равнодушно ответил я. — Я вообще не понимаю — зачем люди появляются на свет, рожают других людей... Зачем все это? Чтобы бороться за выживание, искать себе пищу, делать карьеру? Глупо. Посмотри на этих беззаботных студентов, на эти «полевые лилии»: не трудятся, не прядут. Они не задаются подобными вопросами. Им все равно. Им кажется, что мир создан для них, что космические планы вращаются вокруг их жалких интересов, и что будущее в их потных руках. И трудно им не завидовать...

— Куда ты живешь? — настаивал Веня.

— Опять ты за свое. Ну, а куда ты живешь, сам-то знаешь? — грустно усмехнулся я, понимая, что вопрос уйдет в пустоту.

Веня по-рыбки смотрел мне в глаза. Ни всплеска, ни шепота... Водная гладь.

— Ага, не знаешь! Вот и я не знаю. Кофе будешь?

— У-у-у, — согласился Вениамин.

Я пошел к автомату, чтобы взять кофе. Девушка на кассе попросила найти ей десять копеек для размена. Обычно я отказываю, но тут решил повозиться, чтобы растянуть время. Кофе уже не хотелось. Хотелось поскорее выйти на улицу и просто пойти по усыпанному листьями тротуару, навстречу дальним кострам.

Когда я вернулся к столику, Вениамина на месте не было. Осмотрелся по сторонам — как в воду канул. Я вздохнул с облегчением. «Куда ты живешь? — иронично подумал я. — Куда надо, туда и живу». Надел пальто и вышел на воздух.

Вышел и увидел следующую картину. Двое мужчин у черного джипа жестко обрабатывали Веню ногами с обеих сторон. Заходящее солнце приятно шурилось сквозь голые ветви деревьев, окрашивая город в нежные пастельные тона. Глухие удары не нарушали вечерней гармонии. Люди застенчиво проходили мимо, шурша пожухлой листвой, неслышно шаркая подошвами по асфальту. И если бы Веня каким-то чудом избавился от натиска остроносой обуви и задал людям вопрос: «Куда вы живете?» — люди бы ответили: «Мы живем своей дорогой, а ты лежи — своей, и не мешай нам хранить покой и тепло для неперемного завтра».

— Э, мужики, оставьте его! Он же больной! — крикнул я, приближаясь к разъяренным особям и их жертве.

— Какой, нахер, больной. Чё он тут базарит — «куда живешь». Ты его знаешь?

— Да так. В кафе видел. Мужики, он реально больной.

Мужики остывали, похрустывая пальцами и сплевывая горячую слюну на асфальт. Веня медленно карабкался по автомобилю, силясь подняться на ноги.

— Э, машину мне не поцарапай, урод! — пролаял мужик.

— Убить этого хрена мало, — поддержал другой.

Веня встал на ноги, размазал кровь по губам и, хромая, поплелся вверх по дороге. Казалось, на фоне вечерней пасторали в розоватых тонах он был лишним, как нелепое пятно, оставленное художником случайно, по ошибке. Веня и сам был ошибкой в человеческой толпе, которая не принимала его, выталкивала, но неизменный закон гравитации давал возможность быть с ними на равных — ходить по земле, есть одну пищу, дышать одним воздухом и удивляться по утрам чуду восходящего солнца.

Мужики закурили. Я осмелился стрельнуть у них сигарету и тоже закурил. Вени на горизонте уже не было.

— Не, ну нормально, — обратился ко мне один, — стоим чин чинарём, девчонок ждем. А тут этот бомжара подходит, говорит: куда ты, типа, живешь? Нормально, да?

Мужик усмехнулся и следом же растянул губы другой.

— Ну, мы его и прессанули маленько, с Коляном. А то, прикинь, девчонки приходят, а тут это тело воняет.

— Понятно, — промолвил я. — Ну, он вроде как больной. И ничего не говорит, кроме этого: «Куда ты живешь?»

— Нам не зачтется, мы не знали, — сказал Колян. — Мы тоже люди, понимаем.

Понимающе помолчали.

— А все-таки жаль... — выдохнул я, и отправился вверх по тротуару.

Я пошел своей дорогой, мужики — своей. На город напоззли сумерки. Холод пробирался под пальто и жалил в пустоту сердца. Мне не было жаль Вениамина. Сказал я это, чтобы уберечь себя от насилия, чтобы не испытывать боль, которую чувствую неприятно.

Веня знает три слова. Я — тысячи. А зачем? Бутылка водки, разбившись о голову, сделала его пророком. Очень грустно. Очень по-русски.

Больше я Веню никогда не встречал. Возможно, его убили. Возможно, он сам умер где-нибудь на пустыре от невозможности не говорить опасных слов людям.

Такова участь пророка.

РАССТРИГА

«Возьми ножницы и подаждь ми я», — слышал он во сне, и видел перед собой старенького игумена, бегло читающего по служебнику.

«Возьми ножницы и подаждь ми я», — глухо падали ножницы на ковер, отчего вздрагивали и часто крестились богобоязненные старухи.

«Возьми ножницы и подаждь ми я», — тут он проснулся и увидел над собой испуганное, некрашеное лицо жены.

— Прости, Миша, я фен уронила, — и виновато добавила: — Разбудила, да? в зеркале он увидел свое лицо. Он считал неприличным для мужчины разглядывать лицо в зеркале и всегда смеялся над теми, кто это делал. «Сие женоподобно и мерзко», — шутил он однажды со своим сослуживцем за бутылкой коньяка. Но теперь он оправдывал себя желанием увидеть или понять что-то, что было связано с его сном, через позорное лицемерие. На большой голове недельным «ежином» серебрилась благородная седина (после женитьбы он решил носить короткие волосы), то же было и на его припухлых щеках. Из зеркала на него смотрело некрасивое лицо с армянским носом, с умными чуть прищуренными близорукими глазами. Он приподнял майку и тут же опустил. Этого он от себя не ожидал и, чтобы замаять неловкость, ехидно улыбнулся в сторону. Майка неохотно сползла по недавно наметившемуся животу.

Жена завтракала, сидя — нога на ногу — за столом, демонстрируя толстые, сладко щекочущие его нутро, ляжки. Она всегда улыбалась. Даже когда ела или читала скучную книгу. Жуя бутерброд с колбасой, он думал, что эта кроткая улыбка его и сгубила, стащила с него черный подрясник и нарядила в деловой костюм офисного программиста. Теперь улыбка казалась ему приторной и фальшивой, и он с отвращением подумал, что улыбка, вероятно, дарится не ему одному.

— Миша, ты какой-то скучный сегодня. Это потому что я тебя разбудила, да?

Его раздражала привычка жены всегда говорить «да» в конце вопросительных предложений. Он считал, что так делают неумные и неуверенные в себе люди.

— Нет, — буркнул он, не глядя на жену. — Просто... спал нехорошо. Кстати, мне отлучиться надо... по работе.

— А как же мама? Мы же обещали... — актерски подняв брови, с ноткой обиды сказала жена.

— К маме на следующей неделе сходим. Дело срочное, — соврал Михаил, вытирая жирные руки салфеткой.

Он боролся с раздражением, возникающим от необходимости оправдываться перед человеком, которого уже не любил.

— А я что буду делать? Сегодня выходной! — голосом, скрывающим большой драматический диапазон, простонала жена. Она знала, что он уже не ответит.

Михаил не помнил, когда последний раз бывал в храме. После того, как надел мирскую одежду, он сторонился церквей. Ему казалось, что его сразу же узнают и разоблачат, хотя он находился далеко от тех мест, где когда-то служил. Да и в чем его можно было бы обвинить? В том, что он попрал церковные каноны? Но в то время, когда он по уши влюбился в кроткую девушку, вечно прячущую глаза и краснеющую от мужских взглядов, — в то страшное и счастливое время каноны были так же далеки от него, как далека теперь от него его законная жена. Та самая — кроткая и богобоязненная девушка в длинной бархатной юбке, с косой ниже сокровенных мест.

В храме былолюдно и душно. Шла литургия. Михаил зашел в притвор не перекрестившись, и встал за спины прихожан, чинно кланяющихся, как колосья на ветру. Пахло ладаном. Безбородый дьякон, похожий на женщину, задрал орарь, нутужно возгласал: «Паки и паки...» в углу, возле иконной лавки, суетливые старушки бранились и звенели мелочью. Когда-то он мог бы припугнуть их епитимьей, но теперь он только с раздражением косился на них и чувствовал себя чужаком.

Михаил знал службу на память. Если бы ему и теперь предложили войти в алтарь, он сослужил бы без единой запинки. В семинарии он был, пожалуй, единственным, кто знал церковнославянский язык в совершенстве. Семинаристы завидовали его способностям и в шутку называли «епископом». Начальство ставило его в пример иным батюшкам из недоучек, рано обремененных семейством, — до седин читавшим по служебнику и не понимавшим того, что читают.

У алтаря, окруженный кучкой народа, исповедовал молодой священник. Бледное лицо его было в красных пятнах, как у подростка, играющего в мяч. Он много жестикулировал и пытался что-то объяснить взрослой женщине, годящейся ему в матери, которая молчала и часто кивала. Михаил смотрел на все происходящее, как на спектакль, не зная, засмеяться ли ему или развернуться и уйти. Воскресить чувство живой веры было так же трудно, как реанимировать мертвого. Со стен неприветливо косились суровые лица святых и своим видом давали понять ему: да, ты чужой. Зачем же ты пришел сюда?

На выходе из храма его встретили попрошайки с грязными протянутыми ладонями. И даже когда он обошел их стороной, нищие заученно повторяли: «помоги, Господи» — ему вслед и машинально крестились. От этого ему стало еще гаже.

Михаил достал телефон и набрал своего приятеля. Пожалуй, единственного человека из всех офисных знакомцев, которому хоть немного доверял.

— Слушай, давай встретимся где-нибудь. Выпивка за мой счет.

— Лады, — услышал он сонный голос приятеля. — Давай там же, в кафе.

Сидя за грязным столиком в кафе «На набережной», с видом на мутную реку, Михаил вспоминал о том времени, когда, еще юным священником,

служил в небольшом селе, гулял по пшеничному полю, напевая праздничные тропари. От его летнего подрясника пахло землей и сеном. Местные жители, из прихожан, почтительно здоровались с ним и просили благословения. Служа в старенькой церквушке, освещенной тихими лучами вечернего солнца, он с особой радостью произносил любимый возглас: «Слава Тебе, показавшему нам свет», — и казалось тогда, что не гнусавый дьячок, а сами ангелы невидимо поют в храме и в мире затихают войны.

Когда появился сослуживец с гуляющей улыбкой на губах, Михаил решил, что ничего ему рассказывать не будет. Они редко говорили серьезно, даже когда речь шла о работе. И если он поведает ему, что когда-то был попом, да к тому же монахом, то ничего путного, кроме дикого смеха и сальных шуточек насчет обета целомудрия, из этого не выйдет.

— Ты о чем-то хотел поговорить? — рассеянно спросил приятель, листая меню.

— Да нет.. Просто, спал нехорошо, — не желая выдумывать что-то новое, ответил Михаил.

— Ага, значит, просто решил поднять настроение, — не отрываясь от меню, скалился приятель.

— Типа того.

Юная блондинка в одежде «под морячка» принесла водку и закуску. Приятель хищно оскалился, провожая ее взглядом.

— Слушай, а ты с Катериной Ивановной еще как... мутишь?

— С ней опасно мутить. Она мне всю спину исцарапала, — выдавил из себя улыбку Михаил.

— Зверь баба, — оживился приятель. — Но мне говорить на эти темы противопоказано, — сделал он смиренное лицо, лукаво блестя глазами. — Жена меня крестить собралась. Говорит, надо с тобой, Тошик, что-то делать, а то так и помрешь нехристом. А ты-то сам крещеный?

— Крещеный, — сухо ответил Михаил и потянулся за бутылкой.

— Не, я, конечно, попам не верю. Кто их знает, чего они там себе в бороду шепчут. Я в Бога верю, — серьезно сказал приятель, и от этого заметно поглупел лицом.

— Ну, за Бога тогда и выпьем... — буркнул Михаил, опрокинув ледяное зелье в рот.

Михаил не мог вспомнить, что и когда пошло не так в его жизни. Вот он — умный ребенок, сын учительницы, берущий с полки взрослые книги и удивляющий своими познаниями школьных учителей. Вот он — молчаливый студент с пытливым взглядом, жадно ищущий того, чему можно было бы отдаться целиком, без остатка. На языке вертелось избитое слово «истина». Но что такое истина и есть ли она вообще, он не знал. Вот он — бросает институт, «поселяется» в церковной библиотеке, и неотмирный язык Евангелия сладко ранит его душу, открывая ему ту самую истину, которую он искал, и которая есть Христос. Вот он — крестообразно лежит в центре храма в белом хитоне и слышит старческую речь игумена: «Что пришел еси, брате, припадая святому жертвеннику и святей дружине сей?» И он со слезами отвечает: «Желая жития постнического, честный отче...» Вот он — юный иеромонах, служащий свою первую литургию в новом облачении, прощающий иронический шепот бывалым толстопузым попам и надменным епископским подхалимам. «Где же та серая капля, та червоточинка, с которой все началось», — спрашивал себя Михаил, и его тонкая мысль против воли упиралась во что-то твердое и неприятное, чему нет названия...

Распрощавшись с приятелем, Михаил решил в этот же день пойти на исповедь. Он сворачивал на безлюдные улицы, бил себя по щекам, чтобы вышел хмель, и рассуждал, что если нынче же этого не сделает, то не сделает никогда. И словно бы где-то внутри просыпалась надежда, словно бы он заново обретал потерянную веру, и, посмотрев на небо, он обрадовался тому, что небо было безоблачным и светлым. И первый раз за все «безбожное время» он истово перекрестился, не обращая внимания на прохожих, подняв голову к небу, словно бы ему пели ангелы, словно бы в небе проявился лик Того, Кого он так горячо любил и так бесстыдно оставил... «Я пойду, даже если там будет этот юнец, мне все равно, — думал Михаил. — Пусть он коснется меня своей епитрахилью, как я когда-то касался грешных голов, и тогда все изменится...»

«Я свободен...», — неожиданно запело в его кармане. Михаил вздрогнул и достал телефон.

— Да.

— Здравствуй, Миша. Узнал?

— Катя, ты?

— Я сегодня одна, и в моем холодильнике задыхается от пробки бутылка хорошего вина. Нужна помощь. Ну? Чего молчишь?

— Жди. Я приду.

Михаил сплюнул на асфальт и скорым шагом направился в сторону автобусной остановки.